

СБОРНИК РАССКАЗОВ
В КАЖДОМ ЧЕЛОВЕКЕ СОЛНЦЕ

Книга издана
и отпечатана
на благотворительной
основе.
Купив её, вы поможете
тем, кому трудно

Сборник

В каждом человеке солнце

«Тип-Топ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 94.3

Сборник

В каждом человеке солнце / Сборник — «Тип-Топ», 2019

ISBN 978-5-906097-65-1

В сборник рассказов о детях-инвалидах «В каждом человеке солнце» вошли произведения победителей и участников одноименного литературного конкурса, который проводился Международным благотворительным фондом «Окно в мир» совместно с Международным творческим объединением детских авторов (МТО ДА). Цель сборника – показать мир особых детей, которые живут рядом с нами. Мир часто непонятный, сложный, но одновременно интересный и ценный, как мир каждого человека. Отсюда и название сборника – «В каждом человеке солнце». Рассказы предназначены для детей школьного возраста, подростков и взрослых.

УДК 821.161.1

ББК 94.3

ISBN 978-5-906097-65-1

© Сборник, 2019

© Тип-Топ, 2019

Содержание

Наталья Иванова	7
Александра Зайцева	8
Ната Иванова	13
Татьяна Попова	18
Татьяна Шипошина	22
Надежда Кондрахина	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В каждом человеке солнце

© МБФ «Окно в мир», составление, 2019

© Издательство Кетлеров, оформление, 2019

Что бы ни творилось в нашем мире, в нём всегда останутся вечные ценности: милосердие, доброта и любовь – всё то, что помогает жить человечеству в целом и каждому человеку в отдельности.

Мы благодарны всем нашим партнерам, нашим волонтерам и тем, кто поддерживает нас, в особенности администрации городского округа Королёв и главе города Александру Николаевичу Ходыреву. Без вашей помощи мы не смогли бы реализовать наши проекты.

В естественных науках существует понятие «эффект бабочки», когда под влиянием незначительных воздействий возникают большие и непредсказуемые последствия, в том числе в другом месте и в другое время.

Размах крыльев нашего фонда измеряется количеством счастливых людей, которые после участия в наших проектах реализовали идеи, изменили собственную жизнь, помогли другим и получили помощь. Эти люди придумывают классные проекты, находят ресурсы для воплощения, знакомятся с единомышленниками и постоянно ищут новые профессиональные и творческие инструменты. Эти активисты не сидят на месте, а делают мир добрым, приветливым и комфортным.

Я благодарю всех причастных к работе фонда – доноров, для которых благотворительность не пустой звук, а инвестиции в людей, в сообщества. Я благодарю активистов, способных вспыхнуть от идеи и гореть до полного её воплощения. Я благодарю волонтеров, которым иногда приходится решать нетривиальные задачи. Я благодарю каждого сотрудника фонда за работу, инициативу и за осязаемый результат.

Верю в то, что нас ждут ещё более амбициозные и полезные проекты.

Международный благотворительный фонд помощи детям-инвалидам с ограниченными возможностями здоровья «Окно в мир» создан в 2015 году с целью оказания помощи семьям с детьми-инвалидами, инвалидам 18+, семьям с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию, а также детским домам, коррекционным школам и СО НКО.

Благотворительные направления, по которым реализуется благотворительная программа фонда:

- улучшение качества жизни людей с инвалидностью;
- развитие профессионального образования и содействие в трудоустройстве семьям, воспитывающим детей-инвалидов, и инвалидам 18+;
- программа «Активный город»;
- создание единого культурного пространства Подмосковья и развитие технологии благотворительных фестивалей «Рождественский дар» в Российской Федерации;
- содействие развитию корпоративной благотворительности, укреплению сотрудничества бизнес-структур и НКО;
- финансовая помощь.

Фонд проводит ежегодные благотворительные акции:

- «Подари радость на Рождество»
- «Благотворительный марафон»
- «Собери ребёнка в школу»
- «Дети вместо цветов»
- «Баночка варенья».

Президент Международного благотворительного фонда

«Окно в Мир» Е.В. Зеленицова

Наталья Иванова
Мечтатель

Я смотрю на луну сквозь большое окно
И о звёздах далёких мечтаю.
А во сне я всегда, а во сне я давно
До Медведицы Малой взлетаю.

Я ей глажу пушистый космический бок,
И она мне кивает спросонок.
Где-то рядом сопит, завернувшись в клубок,
Галактический зверь – медвежонок.
Я потом улетаю к созвездию Пса.
Нужен в космосе пёс для дозора.
И в кармане всегда у меня колбаса
Для большого седого Трезора.
А ещё говорю золотистому Льву:
«Ты не трогай Тельца с Козерогом.
Я привёз им с полянки земную траву
И бросаю по звёздным дорогам».
Вижу космос во сне, а потом, по утрам,
Просыпаюсь от маминой ласки.
Прокатиться мечтаю по дальним мирам
На своей инвалидной коляске.

Александра Зайцева

Белые флаги

У вас неправильная анкета. Глупая. Особенно этот вопрос: «Расскажите о себе». Что рассказать? Как меня зовут и сколько мне лет?

Зовут меня Женя, мне пятнадцать, и что с того? Могу описать свою внешность – хватит трёх слов: скучная, худая, в очках. Или вам интересно, о чём я думаю? О школе, о заброшенных танцах, о туфлях, которые жмут, но других всё равно не купят. Пустые слова, они ничего не значат.

Сама не знаю, кто я. Никто. Старшая сестра. Только у меня не просто брат, нет. Это необыкновенный ребёнок, центр вселенной.

А я – довесок, полезный родителям и Дане. Дане нужно то, Дане нужно это – всё для Дани. Даня, Даня, Даня! Слово «хочу» страшнее ругательства, есть только «надо». Дане.

Но я-то хочу, очень хочу! Иногда после школы захожу в разные магазины, чтобы потрогать модные вещи. Тонкие паутинчатые рубашки или узкие платья с модельными изгибами. Ненадолго надеваю их в примерочной, а ночью, перед сном, представляю, что они мои. Воображаю, как иду, парю в них по длинному школьному коридору и все удивлённо смотрят вслед. Если много мечтать, появляется ощущение, что это и правда было.

Но было другое. Например, пару лет назад меня увезли больницу с перитонитом, потому что родители до последнего отмахивались, ведь болеть может только Даня. Он и болеет. Из-за этого мы не живём, а покрываемся пылью в тёмно-коричневой комнате брата.

В настоящем мире ходят нормальные весёлые люди, едут машины, самолёты летят в удивительные страны. Мне всего этого нельзя: руки прочь, воровка, твоё место возле Дани.

Нет, я бывала в других городах, даже на море, когда Даню возили в санаторий. Это ещё хуже, потому что люди смотрят. Там я стараюсь делать вид, что сама по себе и не имею отношения к скрюченному мальчику в коляске, что он мне тоже не нравится. Стыдно за него и за

маму – расплывшуюся, неопрятную, всегда озабоченную и раздражённую. А потом стыдно за себя, потому что я предательница. Ведь Даня хороший мальчишка.

Это другие младшие братья могут вредничать, скандалить и злиться. А мой только улыбается. Он умный и ласковый. Он пытается дотронуться до меня вывернутыми судорогой пальцами, дотягивается и гладит по щеке или по волосам. Даня не может кому-то помешать. И всё-таки мешает.

В тот раз из санатория мы возвращались поездом. Папа с нами не ездит: он всё время работает. Я бы тоже осталась дома, но маме надо помогать, потому меня и взяли. И вот мы ехали домой.

Хоть уже начался сентябрь, жара стояла такая, что все задыхались и обливались потом. Не люди, а рыбы в аквариуме, который поставили на плиту и медленно подогревают. Даня тяжело, со свистом втягивал воздух. У него бронхи слабые, чуть что – сразу отекают.

С опущенным окном стало бы прохладней, но сквозняк. Нельзя.

Поэтому мы открыли дверь. Вагон сонно покачивался, шторы в коридоре колыхались белыми флагами, Даня дремал.

В поезде скучно, выручают придуманные дела: сходить в тамбур, постоять у каждого окна по очереди, выучить наизусть время стоянок, что расписаны на плакатике у выхода. К проводнику тоже приходится обращаться по сто раз в день: чай, кофе, «у вас титан не работает» – мало ли какие ещё трудности у пассажиров.

И все эти пассажиры сновали мимо нашей открытой двери, заглядывая внутрь. Не нарочно. Просто голова человека так устроена, что бездумно поворачивается ко всякой незапертой комнате.

Это как моргать или слглатывать – само получается. И взгляды у таких прохожих людей рассеянные, тусклые. Только один дядька из соседнего купе смотрел цепко. И всё ходил, ходил.

Я его сразу запомнила. Невысокий, седоватый, тёмный от загара.

На коричневую перезрелую грушу похож, особенно с этим рыхлым животом, нависающим над резинкой спортивных штанов. Шлёпанцами шварк-шварк, потом пауза у нашего купе, и опять – шварк-шварк. Запах липкий, несвежий. И тесно рядом с ним. Могу поспорить, что даже на огромной пустой площади тесно, будто он локти в стороны расставил, пузо выпятил и давит, давит. Поэтому я старалась спиной загородить Даню от прохода. Но не очень помогало.

Вечером на станции мама вышла купить воды и возле киоска столкнулась с дядькой. Я в окно видела. Он что-то сказал, полез в карман, она вскинула голову, ответила. А когда вернулась, села на край Даниной полки, сгорбилась и застыла, будто замороженная.

Так и держала бутылку с минералкой, пока я не взяла. Она только пальцы молча разжала. Поехали. Станция мигнула фонарями, многоэтажки – окнами, потянулись гаражи, дачи, тоскливый чёрный лес. Тут я не выдержала.

– Что он сказал? – спрашиваю.

– Кто?

– Этот. Из соседнего купе.

– Ничего.

– Я видела. Что ему надо?

Мама ссутулилась ещё сильнее.

– Денег предлагал.

«Не может быть, – думаю, – не похож дядька на душевного человека, не станет помогать.

Или ошибаюсь?».

– Зачем? – спрашиваю.

– Чтобы мы дверь закрыли. А то ему на Даника смотреть неприятно.

Вот же гад! Гнилая груша!

Мама вздохнула, повернулась к брату и начала поправлять простыню. А та сползла краем на пол, открыв тонкие детские ноги – мелкие птичьи косточки, только колени торчат острыми бугорками. Руки тоже невесомые, скрещенные на узкой груди, а кисти запрокинулись ковшиками в разные стороны. Кожа у Дани гладкая, прозрачная, голубеет венками на шее и у впалых висков, глубоко темнеет под глазами. Зато в глазах тихая сила. Ровная, серьёзная уверенность. Мы и не заметили, что Даня проснулся. А он почувствовал нашу обиду и лежал тихонько.

– Ты знаешь что, принеси кипятку. Кашу разведу, – не поворачиваясь, попросила мама.

Поезд разогнался, болтало так, что приходилось держаться за стены. Дёрнуло, толкнуло в соседнее купе, но я устояла, только глянула косо. У заваленного едой стола сидели четверо мужчин. Шумно жевали, глотали, причмокивали. Остро пахло копчёной колбасой.

Я шагнула дальше по коридору, когда один из них что-то коротко сказал, а другие засмеялись.

И внутри у меня бабахнул взрыв. Прямо в затылке. Я даже ослепла на пару секунд. Злоба обожгла щёки, сжала горло, швырнула меня в чужое купе, к тошнотворному столу, к лоснящимся самодовольным людям.

– Как вам не стыдно?! – закричала я дядьке. – Вы никто! Вы и мизинца моей мамы не стоите! Даня в сто раз лучше вас! Он маленький! Он болеет! Это на вас смотреть противно! Развалились тут, жрёте, пьёте! А он болеет! Ему всю жизнь будет плохо! Мерзость вы!

– Эй, эй! Ты чего?! – испуганно привстал бородастый дядькин попутчик.

Но я даже не повернулась, захрипела в ненавистное лицо:

– Засуньте свои деньги знаете куда?! Знаете?! Да чтоб вы!.. Да чтоб вам!..

Тряслась, хватала ртом душный воздух и не могла подобрать слова. В коридоре обеспокоенно загомонили. Наверное, сейчас придёт мама, наверное, сюда бежит проводник. Надо уйти. Но я не могла пошевелиться и отвести взгляда от обидчика. Из коричневого он стал серым, весь как-то съёжился и одряхлел. Подбородок у него дрожал, глаза сузились.

– Я просто попросил закрыть дверь, – глухо отчеканил он. – Вежливо попросил. А ты – невоспитанная соплячка. Знать не хочу, видеть не хочу ваши болезни. Имею право, ясно? У меня племянница такая была, ясно?

Это «ясно» будто камнем упало. Глыбой. Я молчала. Он молчал. Остальные молчали. Только ложка позвякивала в стакане. Дили-дзынь, дили-дзынь. И мы все как стеклянные были. Дили-дзынь.

Не больно, не обидно – никак. Долго, целую жизнь. А потом мама тронула меня сзади за плечо:

– Хватит. Пойдём.

– Простите, – сказал ей один из мужчин.

– И вы простите, – ответила мама.

А я сказала дядьке:

– Так нельзя. Всё равно нельзя...

Он не ответил, уставился в непроглядное окно, будто спрятался.

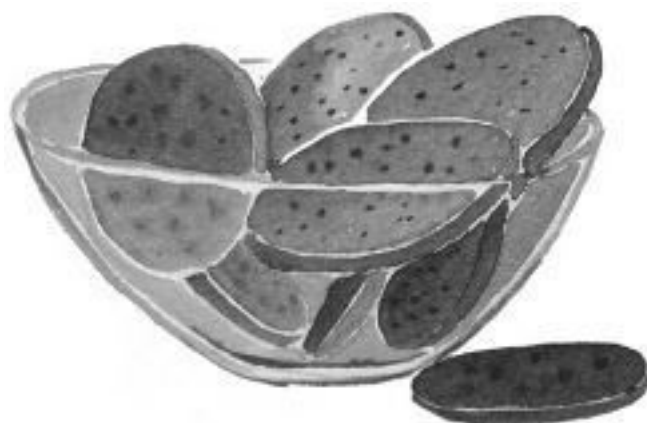
Больше мы не виделись. Даже утром, когда выходили из поезда.

А если бы встретились, я бы, может, извинилась перед ним. Или сказала бы что-то приветливое, чтобы он понял – я не злюсь. Потому что всё неправильно вышло. Сложно объяснить, но я вроде права... и в то же время виновата. И непонятно, что с этим делать.

Нет, не надо меня утешать.

На самом деле я всё вру. Я вообще не хотела к вам приходиться, это классная руководительница заставила. А мне никакие психологи не нужны... и анкеты ваши. Всё равно вопросы в них глупые, ничего вы про меня не узнаете.

Я домой пойду. Мама переживает, если задерживаюсь. И печенье не буду, спасибо. Но возьму. Для Дани.

Ната Иванова

Вселенная на кончиках пальцев

Гул нарастал постепенно, от монотонного бормотания до громкого жужжания танцующих пчёл вперемежку с хихиканьем и шумной вознёй.

Лариса Ивановна повернулась к источнику гула:

– Данила, Кристина, Артём, к Анне Дмитриевне на аппараты. Настя, подойди ближе, я тебе заклею прилеплю. Берём окклюдеры, закрываем правильный глаз. Никита, поменяй сторону, у тебя сегодня правый. Виталик, помоги Маше.

Гул прекратился, и через мгновение группа запестрела чёрно-голубыми тряпочками – окклюдерами на очках малышей. Начался новый день.

Соня разлила какао по чашкам и с интересом наблюдала за суетящейся ребятнёй.

«Какие же они самостоятельные», – подумала она, разглядывая детей, тщательно протирающих стёклышки очков. Раньше Соня понятия не имела о таких странных словах, как окклюдер, засветы, синоптофор, в отличие от маленьких очкариков, применяющих их каждый день. А теперь искренне радовалась вместе с Данилой, когда при лечении косоглазия у него получалось на синоптофоре загнать машинку в гараж, а цыплёнок Артёма наконец-то оказывался в яйце. Или подбадривала Кристину, если раскачивающийся шарик на нитке никак не хотел попадать в отверстие на линейке. А с Виталиком рассматривала через лупу нарисованных динозавров. Соне хватило одного дня, чтобы детские личики с закатывающимися или косящими из-под полуприкрытых век глазами стали для неё не чужими.

Это было полгода назад, в начале сентября. Соня как раз летом школу закончила. На дневное поступить не удалось, и она, подав документы на заочное отделение «Реклама и связи с общественностью», готовилась к работе фасовщицей в местном супермаркете.

Вечером Соня хвалилась оформленной медицинской книжкой подруге матери, забежавшей к ним в гости после работы:

– Тётъ Ларис, смотри, всё прошло! А Дашку окулист на дообследование послал. В школе стеснялась очки носить, и на тебе, близорукость прогрессирует.

– Ну и зря стеснялась. А если бы она, не дай Бог, ногу сломала? Костылей тоже стеснялась бы? Очки больным глазам, как костыли хромому. Так ей и передай. Ладно, домой побегу. Мне в две смены опять – Елена Александровна заболела. И ещё нянечка уволилась...

Лариса Ивановна на секунду задумалась.

– Сонь, а может ну его, это твой супермаркет? Давай к нам в детский сад, помощником воспитателя.

– Ты чего, тётъ Ларис? Какая из меня нянечка? Я, конечно, посуду мыть и пыль вытирать могу. Но с детьми возиться... тем более с такими. Даже не знаю.

– Вот и узнаешь. Приходи завтра, нам помощь всегда нужна.

У тебя же с медкомиссией всё в порядке? Ну не получится, пойдёшь в свой магазин.

На следующий день, пообщавшись с заведующей детским садом для детей с нарушением зрения, Соня вошла в среднюю группу.

– С пополнением! – Следом за ней заглянула тифлопедагог Татьяна Николаевна. – Сколько в этом году?

– Двое, – оглянулась Лариса Ивановна, глядя по голове Дениса, который ни на шаг не отходил от воспитательницы и крепко цеплялся за подол её платья.

– Что ж, будем привыкать вместе. Правда, Софья Михайловна? – Татьяна Николаевна вопросительно посмотрела на Соню. – Мне кажется, что Денис потерял свои волшебные очки. Вы их, случайно, не видели?

Рядом на стуле лежали очки. Соне сначала показалось, что это игрушка, настолько они были малы. Она подняла их и невольно взглянула через стекло. Очки были необычные. Толстая линза на правом глазу растягивала изображение вширь, а левая вытягивала по высоте, как в кривом зеркале.

«Неужели он так всё и видит наперекосяк?» – подумала девушка и протянула очки малышу. Тот, наклонив голову, внимательно наблюдал за ней.

Лариса Ивановна собрала детей:

– Ребята, сегодня нам будет помогать Софья Михайловна. Давайте с ней поздороваемся.

Соня приготовилась к групповому «Здравствуйте, Софья Михайловна», но то, что произошло дальше, поразило её до глубины души.

Малыши обступили её со всех сторон и, обхватив руками, прижались к ней маленькими тельцами. Тоненькие пальчики скользили по Сониным рукам и коленям, от их прикосновения у неё останавливалось дыхание. Казалось, что дети дотрагиваются до её сердца, а широко раскрытые глаза с расходящимися в разные стороны зрачками пытаются заглянуть глубоко в душу. Она в ответ нежно гладила их тёплые ладошки и улыбалась, сдерживая подступившие слёзы.

– Соня, пойдём, я покажу, где раздатка, – позвала Лариса Ивановна, когда тифлопедагог увела детей на зарядку. – Будем готовиться к завтраку.

Они спустились по лестнице на первый этаж и направились к кухонному блоку.

– Тётъ Ларис, а они всегда так? – спросила Соня, проходя мимо кабинета ортоптического лечения.

– Всегда. Это мы можем лишь одним взглядом выразить и любовь, и раздражение. А у нас детки по-особенному видят. Вот для Маши всё как в густом тумане, она только контуры различает. Лиза вообще ничего не видит прямо перед собой, только боковым зрением. Артём попеременно то одним, то другим глазом. Тимур плохо видит при ярком свете, а Виталик смотрит как будто через тонкую трубочку. Все по-разному. Этим деткам прикосновение важно. Им надо почувствовать человека, чтобы довериться ему. Знаешь, обычно дети с нарушением зрения видят мир глазами того человека, который находится рядом с ними. И они поверить должны, почувствовать, что не одни во вселенной, даже если последняя искорка света погаснет в их глазах навсегда. Есть и такие. Тотальная слепота. Слышала про такое?

Соня заканчивала мыть посуду, когда привели Ромку. Он стоял возле моечного отсека группы, переминаясь с ноги на ногу, и подёргивал плечами. Татьяна Николаевна что-то негромко сказала и тихонько дотронулась до его руки. Ромка повернулся в Сонину сторону и дотянулся до подоконника раздаточного окна.

– Ты не Алла Степановна, – замотал головой мальчик, – от неё пахло пряниками, а от тебя клубникой.

Соня от неожиданности проглотила лежащий за щекой леденец и смутилась при виде движущихся белков незрячих глаз ребёнка.

– Меня Соня зовут, – ответила она, с непривычки забыв про отчество.

– Я Рома Егоров, мне пять лет. – Мальчик протянул руку с растопыренными пальчиками.

Соня наклонилась и осторожно взяла маленькую ладошку.

– Мне очень приятно.

– У тебя добрые руки. – Ромка обеими руками ощупывал Сонины ладони. – Ты будешь давать нам обед?

– Да. Ты какой суп любишь?

– Никакой. Он всё время из ложки выплёскивается. – Мальчик отдернул руку и опять замотал головой.

Вообще, Соне его поведение казалось странноватым. Ромка был старше других детей, но выглядел неуклюже для своих лет. Все движения его были скованы и некрасивы. Он мотал головой, резко откидывая её назад, судорожно закатывал глаза или потряхивал кистями рук. И лишь когда подходила Татьяна Николаевна, затихал и прислушивался к её голосу. Она нежно гладила мальчика по спине, постепенно снимая напряжение.

– Я фасоль люблю, её руками есть можно, а горох не люблю – он пахнет невкусно, – вдруг сказал Ромка. – Пойдём покажу.

Девушка растерянно осмотрелась. Татьяна Николаевна, наблюдая за ними, одобрительно кивнула, показывая жестом на красный таз.

Ромка, едва касаясь стены, направился в игровую, Соня пошла за ним. Вот он дотронулся до края таза и запустил в него руки.

– Смотри, смотри! – Он повозился в тазу, достал оттуда фасолину, поднёс её к носу, а потом вытянул руку вперёд. – Это фасоль. Она гладкая и больше горошины, а горох – он шершавый и круглый.

Другой рукой мальчик нащупал Сонину руку и положил ей фасолину на ладонь.

– Мы такую же с ребятами в тряпочке замочили. Когда росточки вылезут, в ящик с землёй посадим. А сейчас мы фикус мыть будем. Ты пойдёшь с нами?

Соня кивнула, потом опомнилась и громко сказала:

– Да.

Лариса Ивановна с Татьяной Николаевной сдвинули столы, а Соня расстелила большую клеёнку. Вместе они поставили на стол комнатные цветы и распределили детей на группы. Ромка встал рядом с Соней. Татьяна Николаевна налила в таз тёплой воды и стала вместе с детьми обмывать листья, проговаривая каждое действие.

Ромка бросил в таз тряпку и взял Сонины руки в свои.

– Вот, возьми тряпочку, намочи её и хорошо выжимай, – повторял он за Татьяной Николаевной заученные фразы. – Потом расправь её, а листочек положи себе на ладонь. Теперь аккуратно протри, от стебелька до самого кончика.

Мальчик учил Соню обмывать листья, проговаривая движения, как будто не он, а она была слепым ребёнком.

Через окно пробился солнечный лучик, осторожно вынырнув из-за тучи, пробежался по лицам детей и вновь спрятался за осенними облаками.

– Солнышко купается в облаках! – бурно отреагировали дети, а Ромка напряжённо застыл, не понимая, о чём идёт речь.

Тогда Соня взяла опрыскиватель для цветов и брызнула вверх водяным облачком.

– Мы тоже умеем гулять в облаках, – сказала она, нажимая на курок распылителя.

Дети радостно завизжали, подставляя ладошки пылинкам воды.

Ромка оживился, кожей ощущая щекоющую влагу, и уже через мгновение хохотал вместе с детьми, задрал вверх голову.

– Пойдём я покажу тебе, где живёт ёлочка, – неожиданно дёрнул он Соню за рукав, когда все понемногу успокоились. – Только это секрет.

Соня вопросительно посмотрела на тифлопедагога и, получив одобрение, пошла с мальчиком в раздевалку.

Ромка осторожно передвигался, ощупывая выпуклые картинки на шкафчиках и, дотронувшись до объёмного изображения грузовика, остановился. Открыл дверцу шкафчика и достал еловую шишку.

– Вот послушай! – Мальчик поднёс её к уху и начал трясти, потом протянул Соне. – Там семечко спит. Оно пока ещё маленькое и никогда не выходило из своего домика. Весной я его посажу в землю на даче. Мама говорит, если о нём хорошо заботиться, то из него вырастет большое красивое дерево.

«Как будто про тебя», – подумала Соня, но ничего не сказала.

Она присела на корточки и обняла Ромку. Мальчик тут же обхватил Соню за шею и прижался губами к её щеке.

Вечером, по дороге домой, Лариса Ивановна спросила у Сони:

– Ну, что решила, Софья Михайловна? Куда завтра?

– Я с вами, тётя Ларис, – улыбнулась девушка. – Ромка мне ещё не всё показал.

Татьяна Попова
Тот, кто спасает
Из переписки ВКонтакте

Невидимая: Привет, у тебя прикольная аватарка.

Ихтиандр: Ж.

Невидимая: На каком сайте можно такие картинки скачать?

Ихтиандр: Ни на каком. Я сам нарисовал.

Невидимая: Правда? Круто! А почему ты Ихтиандр? У тебя жабры, и ты собираешь жемчужины?

Ихтиандр: Нет. Просто плаваю хорошо. И море люблю. А тебе точно четырнадцать?

Невидимая: Точно. Как и тебе. А почему ты спрашиваешь?

Ихтиандр: Девчонки сейчас редко читают старую фантастику.

Невидимая: Мальчишки тоже. И рисуют, как ты, не все.

Ихтиандр: Просто люблю рисовать, давно этим занимаюсь.

Невидимая: А я погуглила картинку на аватарке и нашла другие твои работы. Ты, оказывается, юный талант. В конкурсах побеждаешь. Я теперь знаю твоё настоящее имя – Иван Хохлов. Если взять первые буквы, будет начало имени Ихтиандр. И ты правда живёшь у моря.

Ихтиандр: А почему ты Невидимая? И почему нет фотографий на страничке?

Невидимая: Твоих тоже нет. Только друзей. И целая куча фоток красотки какой-то в бальных платьях.

Ихтиандр: Не люблю фотографироваться. А девчонки любят.

Невидимая: Не все. Невидимые не любят.

Ихтиандр: Так почему Невидимая?

Невидимая: Потому, что никто меня не видит.

Ихтиандр: Ты инопланетянка? Или «человек в чёрном»?

Невидимая: Не угадал. Я Неуловимый Джо из старого анекдота. Которого никто не ловит. А меня никто не хочет видеть.

Ихтиандр: Почему?

Невидимая: Хватит об этом. Теперь твоя очередь отвечать на вопросы. Красотка в бальных платьях – твоя девочка?

Ихтиандр: Всего лишь друг и партнёрша по бальным танцам.

Невидимая: Ну ты жжёшь по всем направлениям! Картины, плавание, танцы!

Ихтиандр: Зато не скучно.

Невидимая: Что-то не верю, что ты умеешь скучать.

Ихтиандр: Этому учиться не надо.

Ихтиандр: Эй, что замолчала?

Ихтиандр: Невидимая, я тебя вижу!

Ихтиандр: Почему не отвечаешь? Я тебя обидел?

Невидимая: Нет. Я просто ошиблась. Ник и аватарка сбили.

Ихтиандр: В чём ошиблась?

Невидимая: В тебе. Ладно, проехали.

Ихтиандр: Нет уж, продолжай.

Невидимая: Я думала, ты синий.

Ихтиандр: Что???

Невидимая: Синий кит. У тебя на аватарке он тоже вроде есть.

Невидимая: Теперь ты молчишь?

Ихтиандр: Не знаю, что писать. Синие киты – это те, что играют в самоубийства?

Невидимая: Да. Только их не так-то просто оказалось найти. В Википедии пишут, что это вообще легенда.

Ихтиандр: Зачем тебе это?

Невидимая: А ты не понял?

Ихтиандр: Догадываюсь, но хочу убедиться.

Невидимая: Правильно догадываешься.

Ихтиандр: Почему?

Невидимая: Тебе не понять, любимец публики.

Ихтиандр: Я постараюсь.

Невидимая: Всем на меня наплевать. Я пустое место для всех.

Ихтиандр: Ты сирота?

Невидимая: То есть ты только сирот жалеешь? Нет, не сирота. И мама и папа имеются. Даже в двойном размере. Развелись, когда мне пять было, организовали мне новых «мамочку» и «папочку». И братиков с сестричкой. Так что семья сверхполная, могу поделиться.

Ихтиандр: Не стоит. Если тебе полегчает, мой отец из семьи ушёл, когда я родился. И домик тут, на берегу моря, для нас с мамой приобрёл взамен доли в московской квартире. Можно сказать, откупился.

Невидимая: Не полегчало. Думаешь, я совсем больная на голову, что из-за предков буду с собой кончать? В нашем возрасте родители вообще нужны только как источники бабла, а с этим у меня всё нормально.

Ихтиандр: А с чем не нормально?

Невидимая: Не поверишь – практически со всем. Я жирная тупая уродина, у меня нет друзей, у меня нет талантов, у меня вообще ничего нет, кроме комплексов.

Невидимая: Опять замолчал?

Ихтиандр: Думаю.

Невидимая: О чём?

Ихтиандр: О том, что ты дура.

Невидимая: Ну в этом я сама призналась. Дура и уродка, никому не нужная и не интересная. Балласт для таких как ты и твоя партнёрша. Для красивых, умных, талантливых, которыми все восхищаются и которых все любят. Ладно, пора завязывать. Обойдусь без синих китов и ихтиандров.

Ихтиандр: У тебя есть скайп?

Невидимая: Скайп? Это ещё зачем?

Ихтиандр: Надо. Так есть или нет?

Невидимая: Есть. Хочешь на меня полюбоваться, что ли?

Ихтиандр: Будем считать так.

Невидимая: А мне это зачем?

Ихтиандр: А ты что, боишься?

Невидимая: Чего мне бояться?

Ихтиандр: Ну, может, боишься влюбиться в меня... Влюбишься и раздумаешь кончать с собой.

Невидимая: Ты совсем дурак, что ли? Идиот с манией величия. Высылай адрес в скайпе, нечего тянуть.

Ихтиандр: Адрес высылаю, но в скайп заходи не сейчас, а завтра, в это же время, идёт?

Невидимая: Высылай, а там посмотрим.

Она, презирая себя, всё-таки надела новые джинсы и свитер, скрадывающий полноту. И подвела глаза, хотя знала, что делает это неумело и будет выглядеть смешно. Специально зашла в скайп на пять минут позже. И чуть не взвыла от оскорбления, увидев по ту сторону экрана знакомую по фотографиям на странице Ихтиандра девчонку, Ксюшу. Правда, в жизни она смотрелась совершенно иначе. Видимо, костюмы для выступлений делали её старше и намного красивее. А так – просто симпатичная худенькая девчонка со светлыми, стянутыми в хвост кудрявыми волосами.

– Привет! Меня зовут Ксюша.

– Знаю. Но я вроде не с тобой должна разговаривать.

– Да. Но Ваня, ну Ихтиандр, попросил меня прийти.

– Это ещё зачем? Чтобы ты сразила меня своей неземной красотой? Тогда бы платье бальное надела, что ли, и накрасилась.

– Зачем ты так? Платье и макияж – для выступлений...

– А мне плевать. Не я тебя приглашала.

– Не ты, – Ксюша кивнула, – а он.

Ксюша отошла от экрана, и Невидимая смогла разглядеть небольшую комнату и кресло. Инвалидное. В кресле сидел мальчишка со странно вывернутыми ногами. А лицо у мальчишки было обыкновенное, даже симпатичное. Он молча рассматривал Невидимую серьезными серыми глазами.

– Ваня говорит, но с непривычки его трудно понять. Вот он и попросил меня...

– Что с ним? – Невидимая перебила Ксюшу.

– ДЦП. Ваня не любит об этом... Считает, что на свете есть более интересные темы для разговора. – Ксюша впервые улыбнулась.

– А как же плавание? Картины? Танцы? Он всё врал?

– Ваня, по-моему, вообще никогда не врёт! – Теперь в Ксюшином голосе звучало возмущение. – Он отлично плавает. Картины, как мне известно, ты видела в Интернете. Кстати, ни на одном конкурсе, где он побеждал, жюри не знало о его инвалидности, так что всё по-честному.

– А танцы?

– Танцы – тоже правда. – Ксюша почему-то замолчала, словно смутившись. Ваня нетерпеливо дёрнул её за руку. – Танцами Ваня стал заниматься три года назад. Когда сюда переехали мы. Я, мама, папа и брат. Это мои родители организовали в городе секцию танцев для ребят, в том числе и для тех, кто не может ходить. Никогда не видела: танцуют двое, один – на ногах, а другой – в инвалидной коляске?

– Видела.

– Ну вот. Мой папа офицер. Он ... он ноги потерял. В горячей точке, много лет назад, ещё до моего рождения. И, знаешь, он тоже не хотел тогда жить. Как ты.

– Не как я. – Невидимая опустила глаза. – Не как я. А что было дальше?

– А дальше папа познакомился с мамой. Она врач, работала в госпитале, куда привезли папу. А ещё она занималась бальными танцами. Так что дальше, наверное, рассказывать не стоит.

– Не стоит, – согласилась Невидимая. Немного помолчав, она наконец подняла голову и посмотрела прямо в глаза Ване:

– Знаешь, может, права Википедия. Может, всё это легенды, про китов. Но ты – самый настоящий дельфин.

– Дельфин? – удивилась Ксюша. – Какой ещё дельфин?

– Тот, кто спасает, – ответила Невидимая и почему-то провела рукой по глазам.

Татьяна Шипошина **«Окончание сказки»**

Действие повести происходит в детском костно-туберкулёзном санатории.

Ладно, я не сказку расскажу, а легенду. Только я её немного по-своему расскажу. Слушайте.

Анькина сказка № 4

– В незапамятные времена в одном далёком городе, в Древней Греции, жили-были отец и сын. Сына звали Икар. Попали они в плен к одному богачу. С утра до вечера работали они на виноградных плантациях, скот пасли и вообще занимались всякой тяжёлой работой.

– Да, на виноградникэ тяжёло работать! – поддакнул Джем.

– У сэли завжды тяжка праця, – добавил Миронюк. – Да ладно вам! Давай, Анька, дальше.

– Местность была гористая, и, если забраться на высокую гору, можно было увидеть далёкую, прекрасную и свободную страну. Задумали отец с сыном убежать от хозяина. Стали они размышлять, как им выбраться. Отец придумал – сделать крылья и улететь. Стали отец с сыном ночами делать крылья. Они собирали перья больших птиц и скрепляли их пчелиным воском. Большие, широкие делали они крылья.

– Не может человек летать на крыльях, в смысле махая крыльями, – вставил Славик. – Это наукой доказано. Ему силы не хватит.

– В сказке – хватит! – возразила Маша. – Увидишь!

– Сделали они крылья и собрались лететь рано утром, – продолжала Анька. – Отец говорит сыну: «Смотри не забирайся высоко к солнцу, а то воск может не выдержать, и крылья твои растают!» Сын пообещал.

Вот настало утро, вышли отец с сыном на вершину высокой горы и полетели. Тут наступил рассвет. Побежали по небу первые лучи солнца, и появился солнечный диск – сияющий, прекрасный!

Всё забыл сын! Красота солнца заорожила его. Ему показалось, что он всё может, что он всемогущ. . . что не просто может вырваться на волю, а может и до самого солнца долететь. Стал сын забирать вверх, к солнцу. Кричит-кричит ему отец, а он не слышит. Чем ближе к солнцу, тем мягче становился воск. Стал воск мягким, стали крылья хуже слушаться. Сын всё равно пытается – всё вверх, вверх!

– Ось трэба батька слухаты! – прокомментировал Миронюк.

– Колька, замолчи!

– Если бы дальше сын продолжал лететь, крылья бы у него растаяли, упал бы он вниз и разбился бы о скалы. . .

– А ведь оно так и было! Я легенду эту знаю! – Это уже Серёжка вставил слово.

– Все знают! Разбился, бедняга, когда воск растаял!

Анька лежала на кровати, заложив здоровую, правую руку за голову. Всё, что она рассказывала, живо стояло перед глазами. Она точно знала, что хочет сказать.

– Я обещала одному человеку, что не будет в моих сказках плохих концов, – сказала она. – На самом деле всё было так: там, внизу, стоял могучий богатырь. Видит он, что один беглец правильно летит и вот-вот пересечёт границу свободной страны. А второй почему-то летит вверх. Подумал богатырь: «Ведь этот, второй, если взлетит ещё выше, разобьётся насмерть! Надо спасти беднягу». Взял он свой огромный лук, вставил стрелу, и. . . – Анька набрала воздуха. – И. . . стрела попала Икару прямо в руку. Если хотите, то в ногу.

Хуже, конечно, если в спину. В позвоночник. Но стрела поразила Икара не насмерть. Стал он падать, ушибся сильно и упал к ногам богатыря. Стонет, бедняга, корчится! Богатырь поднял его и говорит:

«Очень уж ты высоко собрался взлететь! Спас я тебя. Но я не хочу, чтоб ты снова в плен попал. Сейчас я отнесу тебя к себе, вытащу стрелу, залечу твои раны...

– Полежишь – три месяца до операции, месяцев пять – после! – таким же тоном, как Анька, подхватила Нинка.

– В гипсовой кровати лежишь!

– На костылях побегаешь! – Народ сразу понял, в чём дело.

– Да, так. Вы точно догадались. Так оно и было, – подтвердила Анька. – Стал его лечить богатырь. Может, и в гипсовую кровать положил. Лечил его богатырь, лечил и учил при этом, как быть сильным.

И как не быть дураком. Когда время пришло, сделал Икар себе новые крылья и вырвался наконец на свободу. Отца увидел...

С тех пор в Греции есть поговорка «Стрела, что ранит, может и спасти».

– Что, правда в Греции такая поговорка есть? – спрашивает Славик.

– Наверно, есть. Такой поговорки не может не быть. А вообще-то, я её придумала, – призналась Анька.

– Да, – задумчиво протянул Джем. – Я вышэ всэх хотэл – хотэл чэмпioniом СССР быть!

– И я высоко хотел, – вздохнул Славик.

– И я.

– А я хотела, чтоб всё правильно было! – сказала Анька.

– А я – свободы. Свободы, блин! Я и сейчас хочу! – Нинка развела руки в стороны. – Свободы!

– Вот и лежишь тут, в ногу раненная! – Маша тоже знала, куда, в какое небо неслась она сама на своих восковых крыльях.

– Хорошо, что не в голову раненная! – Это Наденька, которая уж точно не знала, за что ранена.

– Нет, наша Нинка точно в голову раненная!

– Или в ж...!

– Летел подстреленный Икар, упал на коечку... – запел Костик.

– И... кар-р!.. кар-р! – закаркала Нинка, взмахнув руками, как крыльями и логически завершив песню.

– Эх вы, такую сказку опошили! – заступился за сказку Серёжка.

Не все смеялись. Задумчиво смотрел в потолок Славик. Молча лежал Джем. Юрка тоже притих.

Так, постепенно, все и затихли – закончилась сказка.

– А за что же Светик наш? – повернувшись к Аньке, почти шёпотом спросила Маша.

– Я не знаю. Помнишь, Люба говорила: «Отмучилась за мать свою непутёвую...»

– А что, бывает так, что один человек мучится за другого?

– Не знаю.

– Можно ли вообще знать, кто и за что? – спросила Маша. Этот вопрос она частенько себе задавала, но не получала ответа. – Не знаю.

Наверняка каждый из лежащих, задавал себе такой или похожий вопрос. Разве можно представить человека, который хоть раз, хоть один-единственный раз, не крикнул бы в небо со своей больничной койки: «Почему? За что?!»?

Только вот ответ... ответ...

Суть сказки словно мелькнула тенью, которую хотелось поймать, схватить, рассмотреть.

Но она, эта суть, была лёгкой, как Икар. Она взмахнула крыльями, покачалась на волнах смеха, потом наклонила голову набок, будто спрашивая: мне побыть ещё или уже пора улетать?

Красиво развернувшись, суть, или истина, если хотите, взмыла вверх, оставляя за собой мерцающий свет, капли которого маленькими звёздочками, как блёстками, покрыли волосы, руки, ноги и одеяла всех сидящих и лежащих на веранде. Все потихоньку угомонились, даже Нинка с Костиком перестали пересмеиваться. Маша сладко сопела, укутавшись до самого носа.

Только Аньке не спалось.

* * *

Нет, не спалось, никак не спалось! Анька села на кровати. Потом она тихонько встала и подошла к краю веранды. В чёрном небе сияли неправдоподобно огромные звёзды. Ветреная южная ночь протянула к Аньке свои нежные прохладные руки.

Небо не было полностью чистым. Налетающий порывами со стороны моря тёплый ветер нёс по небу белые рваные облака.

Это были неплотные и быстро бегущие облака. Поэтому звёзды спокойно смотрели сквозь них.

Порывы ветра налетали на тополя, шевеля их гибкие ветви, быстро перебирая их дрожащие листья. Шелест листьев напоминал песню, звучащую то сильнее, то слабее, уплывающую, переходящую в тихий шёпот.

Издали же, как могучий, но далёкий хор, сопровождающий песню листьев, доносился шум моря.

Сердце Аньки разрывалось. Ей хотелось раскинуть руки и вместить в своё сердце всё, что сейчас здесь происходило... вернее, всё, что находилось... всё, что было... всё, что существовало...

Ей хотелось раскинуть руки, взлететь вместе с порывом ветра и взмыть туда – в тополя, в облака, в звёзды...

Всё это стало само собой складываться в слова. В слова... в слова... Анька вернулась к кровати, вытащила из тумбочки тетрадку, приготовленную для писем, и вырвала из неё листок. Потом взяла ручку и стала быстро, почти не задумываясь, записывать плывущие из глубины сердца слова.

В звёздном свете почти не видно строчек. Но, несомненно, к Аньке прилетели стихи. Вот они:

Вот к кровати слетаются звуки —
Шелестящие, тихие звуки,
Словно чьи-то шершавые руки
Обнимают меня слегка.
В облаках укрываются звёзды,
Серебристые, тихие звёзды.

Очень просто, всё очень просто,
Только видно – издалека.
Не дотронуться, не измерить...
Не найти ни окна, ни двери...
Кто заставил ветра проверить,
Как у тополя ветвь гибка?
Облака с тополями да звёзды
Зарезвились, как малые дети!
Кто собрал воедино эти
Звёзды,
ветви и облака?

Анька подумала немного. Чего-то не хватало... Чуть-чуть, самой малости – не хватало... Она прочитала скошенные по листку строчки ещё разок, потом перевернула листок на другую сторону и написала быстро и почти вслепую:

Кто собрал воедино эти
Души,
звёзды и облака?

Звёзды, ветви и облака... Души, ветви и облака... Души, звёзды и облака...

Анька сунула листок в тумбочку и откинулась на подушку. Теперь всё в порядке. Она обняла почти всё, что хотела обнять.

Она улетела... почти улетела туда, куда стремилась.

Всё в порядке. Анька заснула незаметно. Её ровное дыхание сплелось с дыханьем всех, кто спал на веранде.

Всё в порядке. Дыхание спящих уносилось вместе с ветром. Вплеталось в ветви тополей, шевелило листву на ветках и улетало к облакам. Сначала – к облакам, а потом... потом к звёздам, к звёздам...

А души? Души...

Анька очнулась от того, что Маша теребила её за плечо:

– Анька! Что это ты разоспалась сегодня? Вставай, пора уже!

Ещё не совсем проснувшись, Анька открыла ящик тумбочки. Листок с летящими строчками был на месте. Анька засунула его в тетрадку, а тетрадку положила на самое дно ящика.

«Потом почитаю, потом», – подумала она.

Начинался новый день.

Надежда Кондрахина

Кира

Кира не спал, он просто свернулся калачиком и сильно зажмурился. Наверное, никто тогда не заметил, как из-под одеяла он смотрел в маленькие щёлочки сквозь ресницы. Не было слышно ни криков, ни ругани, только беззвучно плакала мама. Она сидела на краешке дивана и тихо раскачивалась взад-вперёд, взад-вперёд, и длинная прядь волос, как маятник, повторяла за ней движение. Отец с большой сумкой стоял посередине комнаты. Потом его тяжёлые ботинки, как два маленьких бегемота, медленно двинулись к двери. Шаг, ещё шаг, бух, бух, бух... Хлопнула входная дверь, лязгнул замок. Стихли в подъезде ботинки-бегемоты.

Десятилетние двойняшки Маша и Аня стояли прижавшись к матери. Кучерявые темно-волосые девочки с глазами Мальвины, так казалось Кириллу, ласково гладили маму по голове, по плечам.

– Мамочка, не плачь, мамочка, ты не виновата, – тихо прошептали губы мальчика, так тихо, что даже он сам не мог бы разобрать слов. – Это я, это из-за меня. Наверное, папа хотел себе другого сына, как Марк или его друг Саня.

Лицо пылало, в груди и животе было горячо, будто внутри горел миллион лампочек.

Душно, как душно!

Хотелось откинуть одеяло, хватать ртом воздух и кричать. Но слабые тонкие пальчики лишь щипали ткань пододеяльника.

– Идите спать, девочки. Утро вечера мудренее.

Мама наклонилась над Кирой, поправила одеяло, нежно поцеловала в крепко зажмуренные глаза и выключила свет.

Марк злился.

– Мама, я не повезу его. Опять парни засмеют. Что я, нянька ему? Вот Машка с Аней придут из школы, пусть сами и выгуливают.

– Марик, зачем ты так? Опять? Ты же обещал! Кира ведь не собака. Я очень спешу. Пожалуйста, побудь с ним до девчонок. Взрослый же, понимаешь, что на работе и так еле терпят мои бесконечные опоздания. Не всё можно домой на ночь взять – документация.

Марку пятнадцать, он, конечно, всё понимает, не дурак. Талантливый мальчик, учится на отлично в лучшей математической гимназии. В шесть лет сам поступил по конкурсу. «Гордость и надежда семьи», как говорит бабушка.

Кира в свои шесть пока только мечтает о школе. Затаив дыхание, смотрит на сильного, красивого с большими карими глазами парня и не понимает, почему брат сердится на него. Марк часто кричит и закрывается в своей комнате. Он старший, и потому у него своя отдельная территория, вход для Киры туда заказан. Только иногда, когда брата нет дома, ему удаётся заглянуть за запретную дверь.

В четыре года он научился ползать. Сначала было трудно передвигать непослушное тело, с трудом подтягивая ноги, которые волочились сзади, как тряпичные. А сам он был похож на гусеницу. Но вскоре Кира так наловчился, что мама иной раз теряла его в квартире. В такие моменты он непременно норовил заползти в комнату брата, где много интересных мальчишеских вещей. Больше всего ему нравилось рассматривать дипломы и грамоты Марка, которые гордо красовались в рамочках на отдельной полке. Наверное, будь Кира здоров, они с братом жили бы в этой комнате вместе.

Зато к девочкам вход всегда свободен. Вот уж где раздолье! Здесь можно смотреть и брать всё. Игрушки, книжки и конструкторы. Но у девчонок не как у Марка. Всё слишком яркое, в цветах и бабочках, даже рисунки на стенах такие же пёстрые. От их красок слепит глаза.

Сначала Кира путал сестрёнок – совсем одинаковые. Но очень быстро научился различать голос Маши – тонкий и звонкий, как звук флейты. Он был ещё маленький, но хорошо запомнил белокурую малышку, которая играла на удивительной дудочке. «Это флейта», – тихо сказала ему мама. На благотворительный концерт их пригласила тётя из фонда. Из какого такого фонда, Кирка не знал, но поехали они туда все вместе, только Марк остался дома, сказал, что у него есть дела поважнее. С того времени Кира больше не путал девочек.

Маша много возится с Кирой, она добрая и чуткая. Если мамы рядом нет, но есть Маша, ему ничего не страшно. Аня тоже добрая, но строгая, и голос у неё твёрдый и требовательный. Она как учительница: поучает, объясняет, старается рассказать Кирке интересное про птиц и зверюшек, про то, что растёт в лесу и на поле, какого цвета радуга и океан. Даёт ему задания и потом строго спрашивает, что он понял. По каждой карточке спросит, ничего не пропустит.

Иногда ему кажется, что сестра похожа на Викторию Михайловну из специального центра развития для таких детей, как он.

Два раза в неделю мама возит его на занятия.

Кира пока не знает, когда пойдёт в школу, но учительница говорит, что он обязательно будет учиться как все, в обыкновенной школе.

– Голова у Кирилла светлая. Поверьте, столько детей перед глазами прошло. Он у вас способный и усидчивый. А терпеливый какой! Поставить бы только его на ноги.

– Время нужно, время и, конечно, деньги, – сокрушается мама. – Сами знаете, нам и люди помогают, и фонды, мы всем благодарны. Если бы не помощь, остался бы сын растением, как нам пророчили врачи ещё в роддоме. Крошечный родился, слабенький, раньше срока.

Марк продолжал злиться.

– Мам, ну вот так всегда – Марк то, Марк это! Коляска эта ещё, опять колесо слетает. Да и вырос Кира из неё. Когда уже нормальная будет? – возмущался он.

– Марик, пожалуйста! Вы что, сговорились? Девочки бабушке звонили, жаловались, вызвали её срочно. Потерпи, приедет, всем станет легче.

– Хорошо, я с ним посижу, но на улицу не повезу. Пусть только не мешает. Полугодовая скоро, и математическая олимпиада на носу, буду готовиться.

– Мамочка, я подожду Машу, иди, не волнуйся. Я как мышка буду, – еле слышно прошептал Кира, снизу вверх разглядывая брата. «И чего он так щёки раздувает? Вчера колесо у коляски починил... Думает, я не заметил».

– На, играй! – Марк сунул пульт от любимого паровозика в руку брата.

Кнопки на пульте слушаются плохо, тонкие пальцы Кирюши ещё не окрепли.

– Помоги включить, пожа-а-алуйста!

Побежали весело по рельсам паровозик и вагончики – синий, красный, зелёный, чёрный...

Запах блинов и клубничного варенья щипал нос. Он заполнил комнату, и она от этого словно надулась. Малыш помнит сладкий запах клубники – это приехала бабушка. Летом на даче они вместе варили варенье. Кира с нетерпением ждал, когда же она заглянет в комнату и скажет: «Ну, здравствуй, моё солнышко».

Теперь не нужно ждать девочек, теперь они с бабушкой сами поедут встречать двойняшек из школы. По берёзовой аллее, мимо хоккейной коробки. И тётя Люба опять будет шептать на ухо соседке с колючим взглядом и смотреть им вслед.

– Ну надо же, трое, и куда она ещё рожала? Недоношенный, вот и мучается теперь.

Мальчик не слышал их слов, только видел, как бабушка отвернулась и сильнее толкнула коляску.

Для Киры бабушка – главная опора, так говорит мама. Куда же ему без неё? Огорчает только одно: раз приехала его дорогая Галина Васильевна, значит, скоро снова ехать на реабилитацию. Так мама называет больницу, где Кира учится правильно сидеть и даже немного

стоять у специального станка. Ему страшно. Но доктор говорит, если очень стараться, то его мышцы окрепнут и он научится ходить сам.

И Кирка терпит. Терпит и старается.

Он сжимает зубы от боли, когда черноволосый массажист с узкими глазами тянет его ноги и руки в разные стороны, перебирает цепкими сильными пальцами рёбра на спине, будто играет на пианино.

Кира только сильнее зажмуривается, но иногда не выдерживает, и слёзы сами начинают бежать по щекам.

– Пусть отдохнёт, – на плохом русском языке говорит бабушке массажист. – Сейчас разотру согревающим составом, укутайте. Может, даже поспит немного.

Кира расплывается и тает от тепла, боль начинает медленно стихать. Он чувствует свои ноги – будто сотни иголок впились в них. Ему хочется бежать. Это придаёт силы. Краешком глаза он видит, как бабушка часто моргает белёсыми ресницами, отворачиваясь к окну.

Кира не хочет её огорчать и начинает выбираться из блестящего, шуршащего одеяла, как цыплёнок из скорлупы.

Больше всего Кире нравится костюм космонавта, в котором он сам может стоять – его держат специальные верёвочки-канаты, и дух захватывает от мысли, что он идёт... ему кажется, он идёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.